

АФОРИЗМ КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА VS. РЕЧЬ И КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ

Иванов Е. Е.

Могилевский государственный университет им. А.А.Кулешова, Беларусь

Понимание корпуса устойчивых афористических фраз как особой подсистемы языка, а афористики как самостоятельной области знаний о языке со своими специфическими единицами, впервые в лингвистике сложилось в 1970-х гг. при лингвострановедческом описании русского языка¹.

Национально-культурная информация, как известно, аккумулируется преимущественно в номинативных единицах языка, к которым относятся прежде всего слова, а также фразеологизмы. В рамках лингвострановедения как номинативные единицы языка были квалифицированы и так называемые «языковые афоризмы» — фразы, которые так же массово воспроизводятся, как слова и фразеологизмы, но в отличие от них означают не предметы, явления, качества, процессы и т.д., а «типичные, повторяющиеся жизненные ситуации»².

Дифференциальным признаком «языковых» афоризмов, на основании которых они противопоставляются всем другим афористическим фразам, является регулярная воспроизводимость. Последние в отличие от первых не воспроизводятся в речи, а создаются в ней каждый раз заново, — это так называемые «речевые афоризмы»³. Кроме этого, «языковые» и «речевые» афоризмы, как это принято в терминах лингвострановедения, различаются, соответственно, массовым и индивидуальным характером своего функционирования. «Речевые» афоризмов бесчисленное множество, они спонтанно создаются в речи или воспроизводятся в пределах идиолекта. «Языковые» же афоризмы, как предполагается, известны всем носителям языка, и их общее количество (для каждого данного языка) можно более или менее точно определить (в русском языке, например, насчитывается от 500 до 1500 единиц, которые составляют его так называемый «паремиологический минимум»⁴).

¹ См.: Иванов Е.Е. Изучение языковой природы афоризма в русистике 1960–1980 гг.: (Проблемы формирования лингвистической теории афоризма): IX Международный конгресс МАПРЯЛ (Братислава, Словакия, 16–21 августа 1999 г.): Доклады. Минск, 1999. С. 23–29.

² См.: Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Номинативные единицы языка как носители и источники национально-культурной информации // Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: (Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного) [1973]. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 1990. С. 39.

³ См.: Костомаров В.Г., Верещагин Е.М. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре // Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь [1980]. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1988. С. 5–7.

⁴ См.: Пермяков Г.Л. К вопросу о паремиологическом минимуме языка: (На материале русских народных изречений) // Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. Москва, 1988. С. 143–169.

Таким образом, в качестве объекта лингвострановедения (а это означает по умолчанию — и вообще лингвистики) квалифицируется корпус только «языковых афоризмов», под которыми, в свою очередь, понимаются изречения (обычно в форме фразы), выражающие какую-либо обобщенную мысль, — прежде всего все без исключения пословицы, поговорки и крылатые слова. Совокупность последних составляет в языке свою собственную подсистему, которая интерпретируется в терминах лингвострановедения как особый, так называемый «афористический уровень» в системно-уровневой иерархии номинативных единиц языка¹.

Подобное (госр. собственно «лингвострановедческое») понимание афоризма уже успело утвердиться в русистике², а в своих общих чертах — и в восточнославянской лингвистической традиции, хотя и не является бесспорным. В связи с происходящим в последнее время методологическим расширением изучения языковой природы афоризма требуется известная критическая оценка лингвострановедческой теории афоризма. Это касается прежде всего таких вопросов, как принципы дифференциации фразеологических и афористических единиц, выделение «афористического» уровня языка, а также категориальное разграничение афористического материала языка vs. речи на «языковые» и «речевые» афоризмы.

Несмотря на то, что именно при лингвострановедческой интерпретации русского языка впервые в лингвистике было эксплицировано понятие афоризма как особой языковой единицы соответствующего уровня языковой системы, само понимание афоризма как лингвистического объекта было неоправданно сужено не только до устойчивых в речи фраз, но и до того их относительно небольшого количества, которое входит в упомянутый выше «паремиологический минимум». «Речевые» же афоризмы по причине ярко индивидуализированного характера своих функциональных и структурных свойств традиционно не рассматриваются в терминах лингвострановедения.

Показательно в этой связи, что за пределами лингвострановедения само разграничение афоризмов на «индивидуальные» и «не индивидуальные» (госр. «речевые» и «языковые») часто оспаривается, особенно при их изучении в языке художественной литературы, причем нередко как очевидно неудачное. В частности, в терминах поэтики, где афоризм как художественное произведение либо как интертекст не может рассматриваться вне связи со своим автором, понятие «индивидуальный афоризм» вообще воспринимается некоторыми исследователями как противоречащее здравому смыслу³. Так или иначе, оппозиция «не индивидуальные» vs. «индивидуальные» афоризмы действительно является противоречивой как тождественное противопоставлению «языковые» vs. «речевые» афориз-

¹ См.: Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика языковых афоризмов // Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. С. 72–74.

² См.: Прохоров Ю.Е. Афоризм // Русский язык: Энциклопедия [1979] / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 1997. С. 42.

³ Ср.: Федоренко Н.Т., Соколовская Л.И. Афористики. Москва, 1990. С. 102.

мы. В состав первых в лингвострановедении включаются крылатые выражения, массово воспроизводимые в речи (наравне с другими языковыми единицами, которые, по известному определению А. И. Смирницкого, «принципиально не имеют авторства»¹), однако не утратившие ассоциативной связи со своим автором и/или авторским источником своего происхождения (которая, в свою очередь, является одним из собственно лингвистических факторов воспроизводимости и устойчивости крылатых слов). Если же рассматривать противопоставление «не индивидуальные vs. индивидуальные» афоризмы в функциональном аспекте (гезр. по их «массовому» vs. «индивидуальному» характеру употребления), то и в этом случае оно противоречит соответствующей оппозиции «языковые» vs. «речевые» афоризмы в смысле глобальной антиномии язык vs. речь, потому что основывается только на количественных отношениях (ограниченное vs. неограниченное количество единиц известных vs. неизвестных всем носителям конкретного языка), а не репрезентирует оппозицию социальное vs. индивидуальное как один из важнейших параметров сопоставления и дифференциации языка и речи.

Однако наибольшие сомнения в этой связи вызывает, пожалуй, стремление ограничить объем афористического состава русского языка (как и языка вообще) только тем «малым числом пословиц и крылатых слов (по подсчетам Г. Л. Пермякова, примерно 800–1500 единиц)», которые «известны повсеместно и активно употребляются в речи», получая тем самым «право называться элементами общенародного языка», в противопоставление единицам, которые «не выходят за пределы местного бытования, или даже остаются достоянием отдельных лиц», и поэтому квалифицируются как «не более чем фольклорный и литературный материал»².

Совершенно очевидно, что в данном случае, во-первых, допущено энистемологически некорректное разграничение объектов изучения лингвистики, фольклористики, теории и истории литературы, поскольку безусловно все пословицы и поговорки безотносительно степени их известности и распространенности являются предметом фольклористики (а точнее специального ее раздела — паремиологии), а все без исключения крылатые выражения принадлежат литературе и могут рассматриваться в терминах поэтики. В то же время нельзя отказывать в принадлежности к элементам общенародного языка пословицам и поговоркам «местного бытования» точно так же, как никому не придет в голову отказывать в принадлежности к языку диалектной лексике и фразеологии только на том основании, что они «не выходят за пределы» употребления в той или иной местности и неизвестны всем носителям языка.

Во-вторых, в признании «элементами общенародного языка» лишь общеупотребимых афоризмов само понятие «общенародный язык» оказывается суженным только до литературной формы его существования. Однако общенародный язык имеет, как известно, еще и территориальные

¹ См.: Смирницкий А. И. Объективность существования языка. Москва, 1954. С. 21.

² Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Национально-культурная семантика языковых афоризмов. С. 73.

и социальные разновидности (геогр. диалекты и социолекты), поэтому нет никаких оснований рассматривать диалектную и социолектную афористику в отрыве от общенародного языка, а тем более за пределами лингвистики. Определенные возражения можно ожидать только в отношении так называемых «индивидуально-речевых афоризмов» (геогр. свободно производимых в речи афористических фраз), которые традиционно относятся к объектам литературоведческого анализа, а в терминах лингвистики рассматривают, как правило, с точки зрения их семантической, грамматической и стилистической структуры как наличных текстов и/или как элементов литературных (преимущественно художественных) текстов. Правильнее, однако, было бы противопоставлять «индивидуально-речевые» (или же просто «речевые») vs. «общезыковые» (или же просто «языковые») афоризмы не только (и не сколько) как творимые vs. воспроизводимые в речи афористические фразы, но и прежде всего как соответствующие элементы оппозиции окказиональное vs. узусальное в общенародном языке. Это позволит описывать их, в свою очередь, не только как речевые произведения, обособленные от системы языка, но и как единицы речи, правила порождения и функционирования которых в принципе тождественны правилам порождения и функционирования афористических единиц языка, т.е. как собственно системные образования.

И, наконец, в-третьих, помимо упомянутого сужения понятия «общенародный язык» только до его литературной формы существования, без внимания осталась такая существенная разновидность общенародного языка, как его социальные диалекты (разнообразные сленги, жаргоны, арго и т.п.), в составе которых устойчивые фразы (в том числе и афористические) занимают весьма заметное место.

Не менее значимым моментом в лингвострановедческой теории афоризма является выделение в иерархии номинативных единиц так называемого «афористического уровня», сама реальность которого в языке обычно обосновывается следующим образом.

Во-первых, пословицы и поговорки по условиям своего бытования в языке не похожи на фольклор, они никогда не «исполняются», а «существуют в языке и функционируют в нем» как единицы, «свойственные языку вообще» (что впервые было теоретически эксплицировано еще на заре развития фразеологии как отдельной лингвистической дисциплины¹). Принадлежность к языку крылатых фраз определяется, исходя из массового характера их воспроизведения, когда они не декламируются как произведения «художественного слова» (литературы), а функционируют как явления языка — в целях «коммуникативно-прагматического использования».

Во-вторых, пословицы, поговорки и крылатые слова являются изоморфными по структуре и способам функционирования другим номинативным единицам языка — словам и фразеологизмам, ср.: «все они представляют к л и п е (т.е. воспроизводятся), являются з н а к а м и, могут иметь м о т и в и р о в к у своего значения, могут иметь с и н о н и м ы

¹ См.: Оссовецкий И.А. Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. Москва, 1952. № 3. С. 98.

и автономны, обладают функциональным сходством (т.е. прежде всего используются в номинативных целях), обладают парадигмами (могут выступать в различных падежах или спрягаться)¹.

И в-третьих, поговорки, пословицы и крылатые выражения как языковые единицы характеризуются спецификой в номинативном и в формальном планах, чем отличаются от всех других устойчивых в речи словесных комплексов — собственно «фразеологизмов». В этом случае особое значение приобретает не только само определение пословиц, поговорок и крылатых слов как специфических языковых единиц — «языковых» афоризмов, но и точное определение критериев их разграничения с фразеологизмами как единиц разных уровней языка (здесь сознательно не будет затрагиваться вопрос о правомерности выделения такого уровня языка, как «фразеологический», так как от того или иного его разрешения никак не зависит наличие существенной разницы между фразеологизмами и устойчивыми в речи афористическими фразами).

Принципиальное отличие «языковых афоризмов» от фразеологизмов при выделении «афористического уровня языка» определяется в лингвострановедении, исходя, в первую очередь, только из противопоставления их семантики (каждого по отдельности) семантике слова, а во-вторых, из гетерогенности синтаксических форм ее выражения для каждого из них. Однако на основании аналогичных критериев в рамках собственно фразеологии традиционно определяется так называемое «узкое» и «широкое» понимание ее объема, поэтому названные отличия «языковых афоризмов» от фразеологизмов не имеют декларированного «уровневого характера». Ср. с аргументацией, которая обычно используется в лингвострановедении при обосновании «уровневого» отличия упомянутых единиц: «...не являясь эквивалентом слова, а будучи эквивалентом целого рассказа, описания событий, и представляя собой законченную фразу с прямым значением, пословица не может считаться фразеологизмом в том узком смысле слова [разрядка моя — Е.И.]»².

Таким образом, выделение пословиц, поговорок и крылатых слов из корпуса фразеологических (в широком смысле) единиц в качестве «языковых афоризмов» и определение особого места последних в системно-уровневой иерархии высших единиц (higher units) языка оказалось в лингвострановедении недостаточно теоретически аргументированным. Это было, по существу, решением утилитарных интересов лингводидактической интерпретации языка — с одной стороны, еще раз в практических целях «упорядочить» само понимание объема фразеологии, а с другого, терминологически и системно «объединить» за ее пределами все посло-

¹ См.: *Пермяков Г.И.* К вопросу о структуре паремнологического фонда // Типологические исследования по фольклору. Москва, 1976. С. 250. Ср.: *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Национально-культурная семантика языковых афоризмов. С. 73.

² См.: *Фалейкина В.П.* О пословицах и поговорках как материале для страноведческого словаря // Проблемы фразеологии. Москва — Ленинград, 1964. С. 202. Ср.: *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Национально-культурная семантика языковых афоризмов. С. 73–74.

вицы, поговорки и крылатые слова в одну лингвистическую категорию — «языковые афоризмы», или просто «афоризмы».

Однако такое объединение всех без исключения пословиц, поговорок и крылатых слов в одну лингвистическую категорию «афоризмы» выглядит весьма поверхностным, поскольку основывается более на необходимом осмыслении понятия афоризма как всякого общеизвестного «короткого обобщенного высказывания»¹ без учета как структурно-семантического характера самого обобщения, так и особенностей его формально-языкового выражения. Вместе с тем очевидно, что далеко не каждое устойчивое сочетание слов, которое способно, по меткому определению А.А.Потебни, обозначать в речи «массу мысли», является именно афоризмом в его традиционном понимании (гесп. как всякого криткого высказывания, в котором выражается какая-либо обобщенная законченная мысль). Ср., например, выражения *Без меня меня женили* (пословица) или *Мы пахали* (И.И.Дмитриев) и изречения *Жизнь прожить — не поле перейти* (поговорка) или *Счастливые часов не наблюдают* (А.С.Грибоедов) и т.п.

Категориальная неопределенность в терминах лингвострановедения самого феномена «афористичности» как универсального специфического признака языковых единиц отдельного, нефразеологического уровня системно-иерархической организации языка не позволило ни описать афоризм в терминах соответствующего плана («афористического» уровня языковой структуризации), ни однозначно категориально дифференцировать афористику и фразеологию (как совокупности соответствующих единиц) в системе языка. Все это, в частности, ярко отразилось на практике при составлении на материале русского языка первого в своем роде специального лингвострановедческого словаря «языковых» афоризмов *Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения* (1980) В.П.Фелицыной и Ю.Е.Прохорова.

Таким образом, можно констатировать, что еще раз (на это раз в терминах лингвострановедения) произошло уже, к сожалению, ставшее сакраментальным в изучении устойчивых фраз (и вообще фразеологии²) смешение системно-уровневой организации языковых фактов и определенного аспекта их изучения. Иначе говоря, были смешаны понятия определенной языковой системы и ее единиц и соответствующей области лингвистических знаний. Согласно существующей в лингвострановедении интерпретации «языковой афористики», она на самом деле выглядит не более чем составной частью фразеологии (в широком понимании последней), а «языковые афоризмы» — только структурной и функциональной разновидностью фразеологизмов в их самом общем понимании. Распространявшаяся же в современной русистике тенденция считать все без исключения пословицы, поговорки и крылатые выражения «языковыми афоризмами», а их совокупность — особой подсистемой языка и его специфическим уровнем, без опоры на объективные принципы системного и уровневого моделирования, по существу, превратила афоризм в квазиобъект не только самого лингвострановедения, но и начавшего самоопределяться нового ответвления лингвистики — изучения языко-

¹ Ср.: Прохоров Ю.Е. Афоризм. С. 42.

² Ср.: Фразеология // Общее языкознание: (Внутренняя структура языка) / Под ред. Е.А.Серебрянникова. Москва, 1972. С. 467.

вой природы афоризма (или, точнее назвать, «лингвистической афористики»).

Нужно заметить, что в рамках изложения теоретических основ лингвострановедения должно быть уделено особое внимание определению принципов и методов репрезентации национально-культурной семантики устойчивых афористических фраз ввиду особой значимости в построении структурной и/или функциональной модели языка. Это объясняется как необходимостью следовать одному из универсальных принципов анализа языковой системы, который предусматривает последовательное рассмотрение единиц языка сообразно их естественным иерархическим отношениям (текст ← высказывание ← слово и т.д.), детерминированным как иерархией функций языка (коммуникативная ← когнитивная: предикативная ← номинативная и т.д.), так и особенностями речевой деятельности, когда для достижения коммуникативной цели — создания какого-то текста — последовательно используются единицы все более низших уровней членения системы языка, которые сами по себе, вне их употребления в составе более высших языковых единиц вообще не существуют. Устойчивые афористические фразы в этом смысле, безусловно, являются (в отличие от свободных высказываний) высшими номинативными единицами языка в его системно-уровневой иерархии (высказывания vs. устойчивые афористические фразы ← словосочетания vs. фраземы ← слова) и должны описываться отдельно, но с обязательным учетом особенностей лексической и фразеологической подсистем языка.

Вместе с тем, общепринятого понимания как собственно языковой природы афоризма, так и вообще афоризма как специфического продукта и способа речемыслительной деятельности (в том числе и в ее интерпретации как творческого акта), еще не сложилось. Современное лингвистическое осмысление афоризма складывается из множества отдельных, нередко противоречащих друг другу взглядов в терминах разных лингвистических дисциплин и поддисциплин¹, поэтому то, что понимается под афоризмом как единицей языка vs. речи и как объектом лингвострановедения, требует специального определения.

Обычно афоризмами называются изречения (только определенного автора либо также и анонимного происхождения), в которых сжато, емко, обобщенно и, как правило, в стилистически изощренной, нередко аллегорической, и высокохудожественной форме выражается законченная мысль поучительного или утвердительного характера, преимущественно общезначимой тематики, глубокого, существенного и вместе с тем часто остроумного или даже парадоксального содержания.

По своей языковой природе афоризмы — это специфические по семантике и грамматической структуре высказывания, неоднотипные по своему происхождению, тематике и функционально-стилистическим особенностям. Все они подразделяются на афоризмы — литературные (преимущественно художественные и публицистические) произведения, крылатые выражения-афоризмы, афористические поговорки нелитературного происхождения (прежде всего пословицы и поговорки), а также свобод-

¹⁵ См.: Языковая природа афоризма: (Очерки и извлечения) / Сост., общ. ред. и вступ. статья Е.Е.Иванова. Могилев, 2001. 440 с.

ные фразы, которые производятся в речи для обобщенного означивания тех или иных ситуаций. Афоризмы первого и последнего типов производятся в речи (это афоризмы «разового употребления»), второго и третьего типов воспроизводятся, являются общеупотребительными. Именно поэтому пословицы, поговорки и крылатые выражения принято считать фактами не только речи, но и языка.

Стремление некоторых лингвистов целиком отделить афоризмы от фразеологической системы языка, с одной стороны, и понимание фразеологии только «в узком смысле» (исходя из обоснования ее системности в уровневой иерархии языка), с другой, способствовали в свое время возникновению излишне поверхностной дефиниции афористических единиц языка. Так, «афоризмами» начали определяться все без разбору регулярно воспроизводимые несвободные сочетания слов предикативной структуры и нелексикализованной семантики — в первую очередь, все без исключения пословицы, поговорки и крылатые выражения (хотя абсолютно очевидно, как уже говорилось выше, что далеко не каждое устойчивое сочетание слов, которое способно означить в речи «массу мысли»¹, является именно афоризмом согласно его традиционного понимания). Такое определение афоризма, которое уже успело закрепиться в лингвистике, основывается на его осмыслении как уже реализованной в речи конструкции (наличного прецедента) безотносительно условий и правил самой ее реализации (системно-языковых признаков структуры афоризма как иерархично упорядоченной совокупности элементов разных уровней языка).

Семантика афоризма может формироваться под влиянием экстралингвистических факторов (что обычно характерно для пословиц, поговорок и крылатых выражений, перекосно-обобщающий смысл которых, как это принято считать, чаще всего резюмирует содержательную модель исходного ситуативного контекста их употребления), однако не может не быть структурировано в языке иначе, как его собственными средствами.

Языковой формой выражения афоризма служит особый тип высказываний обобщенной семантики, так называемые «универсальные высказывания», которые противопоставлены каждому из других — неафористических высказываний прежде всего по нереферентности именных компонентов своего лексико-семантического состава, а также наличию специальных форм основных грамматических категорий языка: формы общности числа, формы generic time глагола, формы атемпорального синтаксического значения времени в предложении и т.д. Высказывания обобщенной семантики (госр. афористические) противопоставляются каждому из других, неафористических высказываний прежде всего по соответствию обобщенно-абстрактному vs. конкретно-фактологическому характеру сообщения об определенной связи между теми или иными предметами, явлениями, процессами действительности и/или об определенных их свойствах, признаках и т.д.² Ср.: *Книга лежит на столе* ('вот

¹ Ср.: *Потебня А.А.* Из лекций по теории словесности: (Васня. Пословица. Поговорка) [1892] // *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. Москва, 1990. С. 100.

² См.: *Гаверилова Е.Н.* Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // *Филологические науки*. Москва, 1986. № 3. С. 56–62.

эта, конкретная книга находится на вот этом, конкретном столе') и *Книга учит нас жить* ('всякая книга, книга вообще содержит в себе знание, которое не принадлежит никому и принадлежит всем').

Поскольку в афористических высказываниях сообщается не об отдельных, единичных, конкретных фактах действительности, а о них как об общих понятиях, поэтому и выраженные в афоризмах определенные свойства, признаки тех или иных реалий и/или определенные связи между ними имеют общий характер. В способности какой-нибудь фразы обозначать общие связи между целыми классами не единичных реалий и обнаруживается ее афористичность, наличие которой служит необходимым и достаточным основанием для зачисления любой из таких фраз в состав афоризмов безотносительно ее грамматической, генетической и/или функциональной специфики.

Способность какой-либо фразы не только функционировать в качестве обобщенного означивания той или иной ситуации действительности (обобщение по функции), но вместе с тем быть языковым средством и способом возможного обобщения (обобщение по содержанию) — это проявление качества «афористичности». Наличие последнего является необходимым и достаточным основанием для зачисления каждой из подобных фраз в состав афоризмов независимо от ее происхождения, формально-грамматических и функционально-стилистических характеристик. Ср.: *Ах, злые языки страшнее пистолета!* (А.С.Грибоедов, «Горе от ума»); *В настоящей трагедии гибнет не герой — гибнет хор* (И.Бродский, «Нобелевская лекция»); *Хеались, да не потершись* (поговорка); *Меньше народу — больше кислорода* (распространенная в современной живой речи фраза) и т.п. В свою очередь, фразы, не обобщенные по содержанию, относятся к неафористическим и должны причисляться к фразеологическому составу языка. Ср.: *Есть еще порох в пороховницах* (Н.В.Гоголь); *А соз и ныне там* (И.А.Крылов); *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*; *Что за шум, а драки нет?* (шутливый вопрос) и т.п.

Не все пословицы, поговорки и крылатые выражения, как уже отмечалось, являются афористическими. Среди них есть и не обобщенные по содержанию, которые принадлежат фразеологическому составу языка (и поэтому должны в него и включаться). Ср.: *Без меня меня женили*; *В огороде бузина, а в Киеве дядька*; *Мели, Емеля, тебе неделя*; *Мы пахали* (И.И.Дмитриев) и т.п. Однако такого рода пословиц и поговорок, а также крылатых выражений со структурой фразы, не так много. Преимущественное большинство паремий фольклорного и литературного (или исторического) происхождения, которые синтаксически эквивалентны предложению, составляют именно афористические фразы. Презалируют афоризмы в составе паремиологических единиц языка. Например, в «Словаре русских пословиц и поговорок» ([1966] 1991) В.П.Жукова неафористических паремий менее 5,0 %. Среди крылатых слов со структурой предложения афористических единиц заметно меньше, поскольку основным предназначением крылатки, в отличие от пословиц, не является закрепление обобщенного опыта познания действительности. В «Большом словаре крылатых слов русского языка» (2000) В.П.Беркова, В.М.Мокенко и С.Г.Шулешковой, например, афоризмы составляют более 50,0 % всех крылатых фраз.

Пословицы, поговорки и крылатые выражения, которые по своей семантике относятся к афористическим (resp. являются «языковыми афоризмами»), составляют собственную систему во внутреннем строении языка и должны описываться отдельно как от слов и фразеологизмов (в узком смысле), так и от пословиц, поговорок и крылатых выражений неафористической семантики.

В связи с этим неизбежно возникает необходимость однотипного определения признаков афористичности при явной генетической, структурной и функциональной неоднотипности афористических фраз, поэтому для лингвоафористики как новой лингвистической дисциплины на начальном этапе ее развития особенно актуальными видятся проблемы определения как эпистемологических (resp. экстралингвистических) и категориальных (resp. интралингвистических) границ ее объекта, так и его внутренней структуры.